

Влияние экзегетики

Однажды я вошел в часовню при колледже и посмотрел на большой витраж. Тучи, пронесившиеся по небу, начали играть со мной. Сначала я видел в окне только свое отражение. Небо потемнело и превратило окно в зеркало. Но внезапно тучи разошлись, и зеркало исчезло. Снаружи стало светло, и сквозь стекло я мог увидеть улицу. Уходя, я повернулся и еще раз взглянул на окно. На этот раз я увидел нечто совсем другое — прекрасную мозаику, выложенную из цветных кусочков стекла. В тот день я смотрел на одно и то же цветное стекло, как на зеркало, окно и картину.

Подобным образом Святой Дух показывает церкви Ветхий Завет: как зеркало, окно и картину. При тематическом анализе ветхозаветные истории служат нам зеркалами, отражающими нашу жизнь и поиски. При историческом анализе эти истории являются для нас окнами, сквозь которые мы видим исторические события. При буквальном анализе мы смотрим на истории Ветхого Завета, как на картины, оценивая красоту их формы и содержания. При толковании нам необходимо видеть, как каждый из этих экзегетических подходов влияет на наше толкование (см. рис. 8).

Конечно же, эти подходы тесно взаимосвязаны. Тематический анализ включает событийную, буквальную трактовку событий; исторический анализ рассматривает особенности исторической обстановки. Так или иначе, каждый из этих подходов зависит от другого.

Тематический анализ

Время от времени мы с женой устраиваем вечер просмотра фильмов для студентов семинарии. Мы смотрим фильм и затем обсуждаем его. Чаще всего я начинаю дискуссию с вопроса: «Какой самый важный момент в этом фильме?» Как вы уже, наверное, догадались, ответов обычно столько же, сколько зрителей в комнате. То, что важно для одного человека, другой может упустить. Разные сцены по-разному соотносятся с нашими личными интересами. Мы всегда сосредотачиваемся на тех моментах фильма, которые представляют для нас особый интерес.

Следуя такому же принципу, Дух Святой на протяжении веков показывал Ветхий Завет церкви. Мы сосредотачиваем внимание на тех элементах истории, которые нас больше всего интересуют. Чаще всего мы не вникаем в исторические события того или иного рассказа, не задумываемся над его литературным стилем, а просто держим его, как зеркало, стараясь найти в нем отражение своих личных интересов. Поэтому мы обычно склонны к тематическому анализу, сосредотачиваясь на богословских, философских и личных взглядах, даже если они не являются первостепенными в самом рассказе.

Тематический анализ имеет сильное преимущество, потому что Ветхий Завет очень насыщен информацией. Возьмите простой стих: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт.1:1). Сколько идей он содержит в себе? Разве единственной идеей является то, что Бог сотворил все? Эта сторона стиха, несомненно, первостепенна, но если мы еще раз медленно прочтем стих, мы увидим множество других граней: 1) существует Бог; 2) существует небо; 3) существует земля; 4) было начало; 5) Бог сотворил; 6) творение включало все. Список можно продолжить. Каждая из этих граней может стать темой для толкования. Мы можем сосредоточиться на Боге, на мире, на творении, на начале времени или любом другом аспекте этого стиха. Мы останавливаемся на том или ином вопросе не на основании степени его важности в стихе, а на основании нашей заинтересованности.

Если такое многообразие замечается в одном стихе, представьте себе количество тем для толкований, если прочесть всю главу. Возьмем всем известную историю о принесении Исаака в жертву (Быт.22:1–19). Сколько идей можно извлечь из этой истории? Их невозможно перечислить. Одни из них более важны, другие — менее. Большинство читателей согласится, что повеление Бога принести в жертву Исаака является более важной темой, чем тот факт, что с Авраамом и Исааком

пошли двое слуг. Овен, который послужил жертвоприношением, привлекает внимание больше, чем осел, которого оседлал Авраам. Поэтому более важные темы не всегда являются самыми интересными лично для нас. Мы можем рассматривать тему использования осла в путешествии, слуг или любой другой второстепенный аспект этого рассказа. Возможности для этого бесконечны.

Изобилие тем в историях Ветхого Завета представляет многообразие аспектов экзегетики. Хотя нельзя навязывать тексту идеи, которых в нем нет, тематический анализ позволяет нам обращать внимание на незначительные и второстепенные аспекты, если они важны для нас.

Основа тематического анализа

Нужно ли нам выделять второстепенные темы? Разве наша экзегетика не должна всегда сосредотачиваться на основной мысли рассказа? Иногда на занятиях по герменевтике нас учат, что в тексте всегда нужно определить основную мысль и строить свое толкование вокруг нее. Хотя этот подход и является очень важным, нам не нужно втискивать себя в его рамки.

Сами библейские писатели нередко сосредотачивались на незначительных темах. Возьмем, к примеру, повествование о жизни Давида в книгах 1-я Царств и Паралипоменон. Мы видим, что автор книги Царств писал ее тематически. Он разделяет царствование Давида на время под Божьим благословением и время под Божьим проклятием. Он повествует о великих достижениях царя и о его ужасных грехах. Давид изображен и как великий израильский царь, и как хрупкий, слабый человек. Автор книги Царств даже обвиняет Давида во многих бедах, поразивших его дом и его поколение (2Цар.12:10).

Хотя автор книг Паралипоменон во многом полагался на книги Царств, на жизнь Давида он смотрел по-другому. Он идеализировал Давида. Несомненно, Давид, как и всякий человек, имел свои слабости (1Пар.13:5–13; 15:11–15; 21:1–22:1; 22:7–8), но здесь его портрет идеализирован. Автор книг Паралипоменона не включил в свою летопись некоторые ключевые темы книг Царств:

1Цар.1:1 – 2Цар.4:12	История до Давида
2Цар.6:20–23	Негодование Мелхолы на Давида
2Цар.9:1–13	Беспокойство Давида о доме Саула
2Цар.11:1–21:14	Вирсавия и последующие беды

Он опустил бурные события, предшествовавшие восхождению Давида, пропустил осуждение Мелхолы, не упомянул также о напряженных отношениях Давида с Мемфивосфеем. Но, что наиболее интересно, он ни слова не сказал о прелюбодеянии и убийстве.

В определенном смысле, автор книг Паралипоменона ссылаясь на книги Царств выборочно. Он не скрывал слабости Давида, но он просто был заинтересован представить Давида в качестве героя для народа, вернувшегося из пленения. Он сосредотачивался на положительных сторонах монарха. Прием этого летописца иллюстрирует важность выборочного, тематического анализа.

Виды тематического анализа

Тематический анализ по-разному применялся на протяжении веков. Мы рассмотрим три важные аспекта: систематическое богословие, образцовость и пасторские интересы.

Систематическое богословие. Доминирующей формой тематического анализа является традиционное систематическое богословие. В традиционных исповеданиях и катехизисах ветхозаветные истории часто используются в качестве основ для доктринальных убеждений. Современное систематическое богословие также не изменяет этому правилу.

Однако, к сожалению, систематические богословы иногда неправильно используют тексты. Иногда места Писания, которые они цитируют, не имеют никакого отношения к рассматриваемым доктринам.

Ветхозаветные истории касаются многих традиционных теологических тем. Мы можем задавать такие вопросы как: «Что говорит эта история о характере Бога?», «Как она проливает свет на доктрину о грехе?», «Какой вклад она делает в доктрину о спасении?» Если мы задаем такие вопросы, исследуя Ветхий Завет, — это обогащает наши богословские познания.

Образцовость. Иногда тематический анализ приобретает форму, в которой толкователи стремятся отыскать иллюстрации религиозной жизни. Давид, как пастух (1Цар.17:34–36) и воин (1Цар.17:35–51), становится образцом веры и мужества. Справедливость Соломона (3Цар.3:16–28) становится образцом мудрости.

Но у такого подхода есть свои крайности. Например, всегда есть искушение использовать психологическую оценку персонажа, которая приукрашивает текст. Мы должны остерегаться таких нарушений. Тем не менее, из-за таких ошибок мы не должны отвергать такой принцип подхода к ветхозаветному тексту. Ветхозаветные истории служат примером для нас во многих случаях жизни. Мы должны быть внимательными, чтобы не пропускать такие образы, которые воплотили в себе истину и добродетель.

Интересный пример такого анализа можно увидеть в некоторых популярных комментариях к книге Неемии, где пророк показан как идеальная модель лидера. Основная забота автора книг Ездры, Неемии — это продолжение реформ. Неемия выделялся своими организаторскими способностями. Он осторожно и внимательно составлял планы, был ответственным в своих задачах, улаживал конфликты и проявлял мужество и настойчивость. Понятно, что эти качества Неемии являются второстепенными по отношению к главной цели книги, но мы обращаем на них внимание, благодаря тематическому анализу текста.

На многие трудные вопросы можно ответить при помощи тематического анализа. С кем или с чем боролся этот герой? Каким образом он преодолел свою проблему? Чему я могу научиться на его примере? Эти вопросы могут не быть центральными в истории, но важны для нас.

Пасторские интересы. Иногда читатели тематически рассматривают текст из-за того, что на эту тему проповедует пастор. Когда мы вникаем в жизнь наших церквей, у нас возникает беспокойство о какой-нибудь проблеме. Ветхозаветные истории часто подсказывают решение, когда возникают трудности.

Проповеди обычно основаны на тематической экзегетике. Пастор наблюдает за собранием, замечает нужду и готовит проповедь, призванную разрешить эту нужду. Чарльз Сперджен (1834–1892гг.) хорошо известен своим тематическим использованием ветхозаветных историй. Свою проповедь о христианской евангелизации он начал со слов «Не жатва ли пшеницы ныне?» (1Цар.12:17). Он признавал тематический принцип своего подхода: «Я не углубляюсь в связь этих слов с основным контекстом, а просто беру их в качестве девиза». Этот пример иллюстрирует, что ветхозаветные истории могут быть полезными для церкви, когда их рассматривать тематически.

Тематический анализ может принимать эти и многие другие формы. Он может быть простым и научным, практическим и теоретическим. В любом случае, тематический анализ представляет ветхозаветные истории в качестве зеркала, отражающего интересы читателей. Мы должны остерегаться злоупотребления этим методом, но не следует также забывать, что, в основном, именно благодаря тематическому анализу Дух учит нас истине, скрытой в ветхозаветных историях.

Исторический анализ

Несколько лет назад я посетил Аушвиц, известный нацистский концлагерь. Когда я увидел вывеску над входом: «Arbeit macht frei» (Труд делает свободным), я задумался над тем, что могли чувствовать заключенные, проходя под этой надписью. Я стоял на том месте, где ежедневно казнили множество людей. Я ходил по баракам, которые когда-то были переполнены людьми, заходил в узкие комнаты, где многие были замучены голодом, заглядывал также в газовые камеры. Меня постоянно преследовали ужасные образы прошлого.

При выходе из музея я купил книгу «Аушвиц: нацистский лагерь уничтожения». Книга оказалась трудной для чтения, в ней было множество ошибок, к тому же перевод был ужасным. Однако это не угасило мой интерес. События, описываемые в ней, настолько поражали, что я не мог отложить книгу, пока не прочел ее дважды.

Что тянуло меня к этой книге? Что пробудило во мне такой интерес? Я не был в восторге от ее литературных качеств; и ни одна тема не имела отношения к моей жизни. Но меня заинтересовала история, ожившая на страницах книги. Я словно был перенесен в прошлое.

Святой Дух таким же образом оживляет для церкви ветхозаветные истории. Они становятся окнами, через которые мы рассматриваем исторические события. Тематика и литературное качество

отступают на второй план, когда мы увлекаемся описываемыми событиями и проводим их исторический анализ.

Основа исторического анализа

Хотя евангелисты признают историческую достоверность Библии, точную связь между действительной историей и текстами Ветхого Завета установить непросто. За последнее десятилетие дискуссии о герменевтическом смысле библейской непогрешимости подняли много вопросов, относящихся к историческому анализу. В результате этого среди евангелистов выявились две крайние точки зрения.

Некоторые евангелисты начали подвергать сомнению тесную связь между реальной историей и библейскими рассказами. Такая тенденция понятна, поскольку ветхозаветные истории представляют множество трудностей в вопросах исторического согласования. В прошлом евангелисты улаживали эти проблемы с учетом того, что дальнейшие исследования все прояснят. Однако из-за непрекращающихся споров недавно появилась другая стратегия, согласно которой определенные исторические проблемы библейских историй связаны с их жанром, который часто не совпадает с канонами исторической достоверности. Другими словами, некоторые библейские писатели излагали свои книги в такой форме, которая была понятна для читателей тех дней, не придавая особого значения, как это согласуется с историческими событиями.

Теоретически трудно не согласиться с таким взглядом. Если книга Ионы действительно является мифом, ее нельзя толковать как достоверную историю. Если автор книг Паралипоменона не хотел, чтобы его книги воспринимались как запись исторических событий, мы не должны их так воспринимать. Мы должны читать поэзию как поэзию, притчи как притчи, законы как законы, басни как басни.

Следует признать, что этот подход имеет свои преимущества. Учитывая повествовательный жанр, мы приближаемся к пониманию первоначального значения текста, вместо того, чтобы навязывать ему современные научные идеи. К тому же, учет жанра не позволяет нам сомневаться в непогрешимости текста. Вместо того, чтобы пенять на ошибки библейских писателей, мы понимаем, что они просто соблюдали литературные условности своего времени. В любом случае, нам необходимо принять меры предосторожности, чтобы не впасть крайности.

Во-первых, прежде чем отрицать историческую достоверность библейских историй на основании жанра, мы должны найти какой-нибудь прецедент этому в самой Библии. Однако насколько я знаю, каждый из библейских писателей полагался на ветхозаветные истории, как на достоверную историю. Иногда историческая подлинность событий была определяющей для писателей Нового Завета (Рим.5:12–14; Рим.6:18; Лк.1:1–4; Евр.11:17–40). Некоторые толкователи могут считать такие библейские свидетельства наивными, но евангельский верующий должен считать свидетельство самой Библии об историчности библейских историй неопровержимым.

Во-вторых, мы очень часто не знаем, когда нужно остановиться. Как только историческая надежность одного рассказа признается ложной, что удерживает нас от такого же отношения к остальным местам Писания? С точки зрения богословия может показаться незначительным мнение о некоторых библейских историях, как о баснях и выдумках, но если мы примем эту практику без твердого и четкого основания, возникнет опасность такого же легкомысленного решения остальных исторических несоответствий. Сколько исторических событий мы упраздним? Не будем ли мы рассматривать огненный столп, пересечение Иордана, поражение Иерихона, обетования Давиду, да и сами Евангелия, как басни и легенды?

Тем не менее, нельзя не учитывать соответствие жанра повествования и истории. Не нужно забывать о некоторых важных моментах. Как можно доказать, что тот или иной рассказ Ветхого Завета не был написан в качестве исторически достоверного сообщения? Наличие противоречий между историческими фактами не является достаточной причиной для этого, поскольку дальнейшие исследования вполне могут разрешить эти противоречия.

Критически настроенные толкователи часто отвергают историческую подлинность текста, повествующего о сверхъестественных событиях, но евангелисты не подвергают их сомнению.

Черты сходства между библейскими историями и некоторыми ложными историческими документами также не являются твердым основанием, чтобы подвергать сомнению историческую достоверность Писания, поскольку сходство не всегда подразумевает одинаковый уровень исторической подлинности.

Эти вопросы лучше всего рассматривать, отыскивая в самих рассказах четкие черты того или иного жанра повествования. Если мы сможем выявить лексику, стиль, текстовые структуры, свойственные тому или иному жанру, мы сможем делать более осмотрительные заключения. На данный момент не существует четко установленных канонов легенд, басен и сказок в древней ближневосточной литературе, тем более в Ветхом Завете. Например, можно ли заключить, что начало рассказа о Вавилонской Башне следует толковать, как «Однажды жили-были...» (Быт.11:1, новый расширенный перевод Библии)? Такое толкование основывается на богословских и исторических предположениях, а не на свидетельстве самого текста.

Нам нужно быть осторожными с определением жанра и стиля. Свидетельство самой Библии и сложности жанровой критики предостерегают нас от поспешных заключений. Хотя дальнейшее изучение может пролить свет на некоторые из этих вопросов, тяжелое бремя доказательств ложится на евангелистов, которые спорят о достоверности и непогрешимости ветхозаветных текстов.

Однако многие евангелисты уклонились в другую крайность, и просто сопоставляют библейские рассказы с историей. Они принимают места Писания за точный, подробный исторический отчет. Ветхозаветные истории они считают доказательствами достоверности прошлых событий, как бы снятыми скрытой камерой.

Евангелисты утверждают непогрешимость ветхозаветных историй в том смысле, что они никоим образом не противоречат действительной истории. Однако эти истории не всегда представляют собой подробную историческую запись, которую часто требуют современные читатели. Как сказал Мюррей, мы не должны ожидать от Писаний педантичных подробностей. По его словам, «Писание изобилует иллюстрациями, в которых отсутствует такая тщательная и мелочная точность, которую мы можем навязать в качестве критерия непогрешимости Библии».

Опираясь на Чикагское утверждение библейской непогрешимости, мы должны отвергать мнение о том, что

непогрешимость Библии опровергается такими ее феноменами, как отсутствие современной технической точности, наличие ошибок в грамматике и правописании, наблюдательские описания явлений природы, повествование о невозможных вещах, использование преувеличенных и округленных чисел, тематическое изложение материала, разное описание одних и тех же событий в параллельных повествованиях и использование свободных цитат.

Ветхозаветные истории излагают нам историю в такой форме, которая не всегда соответствует нашим представлениям о современной технической точности.

В любой записи история уже истолкована самим автором. Уровень точности колеблется вдоль очень длинной шкалы. Одна сторона шкалы приближается к субъективной умозрительности. Эти исторические документы могут концентрировать наше внимание на хорошо известных событиях, но писатели часто заполняют пробелы своими выдумками, которые читатель не может отличить от подлинных событий. С другой стороны шкалы интерпретация едва присутствует. Ответственные авторы исторических учебников и газетных статей, например, избегают умозрительности и предположительности. Они просто открыто признают, что уровень достоверности может колебаться. Таким образом, исторические документы могут находиться в любой точке между этими двумя крайностями.

Евангелисты верят, что все ветхозаветные сведения об исторических событиях являются правдивыми и достоверными; в Божьем откровении не может быть ошибок. Однако эти рассказы представляют историю «с пророческой точки зрения». С одной стороны, мы не вправе сказать, что ветхозаветные писатели придумали свои истории. Библейские летописцы были вдохновлены Духом истины и не могли прибегать к выдумкам. С другой стороны, идеологические цели определяли, какие события выбирали писатели и в какой форме они их представляли. Ветхозаветные истории не дают нам ежесекундного, подробного отчета о прошлом. Они были написаны с определенной точки зрения, но при этом не имели ошибок и ложных толкований.

Нам следует избегать обеих крайностей. Если мы обращаемся к жанру библейского текста, то мы не должны отделять его от реальной истории. Однако, в то же время, мы должны помнить, что все библейские рассказы являются толкованием истории с идеологической точки зрения. Исторический анализ этих рассказов возможен, так как они безошибочны, но при историческом анализе необходимо учитывать цель, с которой была написана та или иная история Ветхого Завета.

Виды исторического анализа

Как и тематический, исторический анализ принимает множество форм, две из которых наиболее выделяются: фактическая и теологическая.

Фактический. При фактическом историческом анализе мы смотрим сквозь окно текста и спрашиваем: «Как мы должны сопоставлять события этого текста и другие исторические данные?» Евангелисты особенно полагаются на этот подход в своих апологетических исканиях. Мы потратили много энергии на установление исторической достоверности Библии. Однако проверка ее непогрешимости, похоже, будет продолжаться всегда. Люди всегда будут задавать вопросы: «Действительно ли было в истории то, что описывает первая глава Бытия? Был ли потоп? Как нам уладить явные несоответствия между книгами Паралипоменон и Царств?» Фактический исторический анализ всегда останется важной частью толкования ветхозаветных историй.

Богословский. Богословский исторический анализ возник в евангельских кругах благодаря влиянию Библейского Богословия. Мы уже подробно рассмотрели направление этого движения. Этот подход заостряет внимание на событиях, находящихся за пределами внимания ветхозаветных историй. Приверженцы Библейского Богословия, в основном, используют ветхозаветные истории для реконструкции характера откровения и религиозной жизни в различные периоды истории. Они задают несколько вопросов: «Каковы этапы библейской истории? В чем уникальность того или иного из них? Как эти эпохи связаны между собой?»

Исторический анализ может быть направлен или на факты, или на теологию. В любом случае ветхозаветные истории используются как окна в события прошлого. Это еще один важный подход к Ветхому Завету, которому нас учит Святой Дух.

Буквальный анализ

У меня дома на полке лежит альбом фотографий жены. Иногда я показываю эти фотографии гостям. Они листают страницы, вежливо рассматривая один снимок за другим. В основном, это любительские фотографии, зачастую плохого качества. Но когда дело доходит до последней страницы, почти каждый, кто листает альбом, восклицает: «Вот это фотография!» Последний снимок сделан профессиональным фотографом. Это замечательная фотография, и все, кто видит ее, обычно комментируют прекрасное освещение, фокус, плавность тонов и говорят: «Она прекрасна!»

Святой Дух учит церковь подобному подходу к ветхозаветным историям. Иногда мы не смотрим на темы и исторические события, а подходим к этим историям с буквальным, литературным анализом. Литературный анализ рассматривает ветхозаветные истории, как произведения искусства, сочетание формы и содержания. Мы изучаем литературные черты текста так же, как оцениваем цвета, ткани, контрасты и линии прекрасного портрета. Как мы видели, тематический и исторический анализы часто сосредотачиваются на отдельных элементах историй. Буквальный анализ помогает нам увидеть центральный аспект того или иного места Писания.

Основа буквального анализа

Должны ли евангелисты пользоваться этим методом? Три аспекта выступают в пользу ценности буквального анализа: литературные приемы текстов Ветхого Завета, их литературные качества и откровения, которые мы получаем при этом подходе.

Литературные единицы. Во-первых, буквальный анализ важен, поскольку Ветхий Завет состоит из литературных, а не исторических или богословских единиц. Литературная структура канона часто противоречит нашим представлениям о Ветхом Завете. Благодаря нашей склонности к историческому анализу, мы можем предполагать, что Писание должно делиться на некоторые великие эпохи истории искупления человечества: Книга 1 — «До грехопадения», Книга 2 — «От грехопадения до потоп», Книга 3 — «Патриархальный период» и так далее. Наш интерес к тематическому анализу может заставить нас предполагать, что Библия должна делиться на определенные единицы систематического богословия: Книга 1 — «Доктрина о Боге», Книга 2 — «Доктрина о человечестве», Книга 3 — «Доктрина о спасении».

Но, к нашему удивлению, Ветхий Завет не соответствует ни одной из этих форм. Структура Библии не является ни богословской, ни исторической. Вместо этого, одни книги, такие как Бытие, охватывают несколько основных периодов истории искупления, другие группы книг, как, например, книги пророков, включают только одну эпоху. Похожие богословские темы постоянно встречаются в различных комбинациях в книгах Писания. Канон Писания, в основном, сформирован согласно литературным, а не историческим или тематическим единицам. Поэтому нам необходим литературный анализ. Игнорировать этот подход, значит, упускать из вида основную структуру, которую Бог придал Писаниям.

Литературные качества. Кроме того, литературный анализ необходим, так как библейские тексты насыщены собственным литературным стилем. Дух в Своей мудрости вдохновил Писания в форме поэм, песней и (что наиболее важно для нашего изучения) историй. Эти тексты имеют множество литературных характеристик, таких как образность, речевые обороты и другие сложные структуры. Если бы Бог хотел, чтобы мы просто сосредотачивались на исторических событиях и богословских темах, Он бы не дал нам откровение, имеющее литературные качества. Поэтому нам следует учиться применять свои литературные знания при толковании.

Откровения. В-третьих, буквальный анализ важен, потому что часто открывает нам глаза на то, что тематический и исторический подходы упускают. Возьмем, к примеру, известный эпизод о пребывании Аврама в Египте (Быт.12:10–20) и проверим ценность литературного анализа, начертив несколько структурных наблюдений к этой истории (см. рис. 9).

Бытие 12:10 можно назвать завязкой; здесь представляется контекст, в котором разворачивается история. Аврам идет в Египет из-за голода и намеревается временно находиться там. Решение (ст. 20) дает начало истории. Писатель показывает контраст бедности во время голода и богатства, с которым Аврам возвращается. Быт.12:11–16а содержит ускорение событий. План, основанный на лжи, осуществлен, и Сара отведена в гарем фараона. Эта часть уравнивается убыванием событий в Быт.12:18–19. Обе части даже содержат похожие выражения — «ты мне сестра» (ст. 13) и «она сестра мне» (ст. 19). И, наконец, во время поворотного момента этой истории в Быт.12:16б–17, Аврам процветает, а фараон поражен.

Мы можем подвести итог истории в свете этого структурного чертежа. Аврам намеревался пойти в Египет. Его замысел солгать о Саре удался, если не считать похищения Сары. Чтобы решить эту проблему, Бог произвел конфликт между Аврамом и фараоном. Он благословил Аврама, а фараона поразил. Фараон открыл дверь для Сары, чтобы она могла вернуться в Палестину. Божий план освобождения Сары был завершен, когда египтяне вернули ее Авраму. Затем Аврам и Сара ушли из Египта в безопасности и богатстве.

Такая структура, прежде всего, показывает нам, какой вклад вносит каждая часть в целую историю. Изъятие любого раздела создало бы новую драму. Такой подход сдерживает нашу склонность придать центральной мысли этого рассказа тематический или исторический характер. Как мы уже сказали, многие толкователи привыкли сосредотачиваться на исторических или этических вопросах, просматриваемых в той или иной истории. Но когда мы видим аспекты сюжета в ходе развития всей истории, мы можем легко различить первостепенные и второстепенные элементы.

К тому же, благодаря такой структуре мы можем рассматривать историю как единое целое, не разбивая ее на маленькие частицы. Исторический и тематический анализы часто разбивают историю на мельчайшие детали, что не способствует ее целостному восприятию. Буквальный анализ представляет повествование как единое целое, давая нам возможность вникать в его общую суть и значение. Наше толкование сосредотачивается на развитии событий по прибытии в Египет, пленении Сары, вмешательстве Бога, освобождении и возвращении, а не на одном из этих аспектов. Уделяя внимание целой истории, мы обнаружим в ней материал для богословского размышления, который другие подходы часто не замечают.

Когда мы согласовываем свои наблюдения с первоначальным замыслом автора, история оживает. Моисей рассказал эту историю детям Израиля так, что она точно соответствовала современной для них ситуации. Несложно увидеть связь этой истории с повествованием о Моисее в книге Исход. Когда мы рассматриваем судьбу Израиля в соответствии с Быт.12:10–20, нам становится ясно, что Моисей рассказал эту историю из жизни Аврама в качестве иллюстрации к избавлению Израиля от Египта.

Аврам пошел в Египет из-за голода в Ханаане; голод также привел Иакова и его сыновей в Египет за пищей. Авраам пошел на хитрость; братья Иосифа также были известны своим лукавством. Хотя Авраам процветал в Египте, его надежда на потомство исчезла, потому что фараон забрал Сару; Израиль очень разросся в Египте, но убийство младенцев мужского пола угрожало его будущим поколениям. Бог выявил конфликт между Авраамом и фараоном, определив каждому либо благословение, либо проклятие; божественное вмешательство в Исходе защитило израильтян, а фараону принесло беды. Свобода пришла через открытое противостояние между фараоном и Авраамом; Моисей и фараон встречались несколько раз, прежде чем царь, наконец, сказал: «Идите!» Египтяне отослали Авраама в безопасности и богатстве; израильтяне также ушли из Египта, взяв с собой множество добра.

Благодаря такой параллели между событиями Исхода и историей об Аврааме, мы видим, что Моисей поведал эту историю в качестве прообраза, чтобы научить Израиль сути его исхода из Египта и возвращения в Палестину. Моисей сталкивался с недоверием и разочарованием среди израильтян. Но он привел эту историю, чтобы ободрить своих собратьев. Можно даже представить, как Моисей комментировал ее: «Не сдавайтесь! Мы ни в чем не ошиблись! То, через что мы проходим, уже было пройдено вашим отцом, Авраамом! Последуем же за ним из Египта, и будем иметь уверенность в силе Господа!» Также можно услышать, как верные израильтяне отвечали: «Исход Авраама — это наш исход!»

На этом примере мы видим, почему необходимо идти дальше тематических и исторических интересов и применять также буквальный анализ к ветхозаветным историям. Одновременно сосредотачиваясь на их форме и содержании, мы сможем извлечь больше пользы, которую Бог сокрыл для нас в этих историях.

Виды буквального анализа

Буквальный анализ не является чем-то новым. Веками Дух Святой обращал внимание церкви на форму и содержание Писаний. Но нередко буквальные литературные интересы вытеснялись богословскими и историческими вопросами.

Во время Реформации экзегетика была наполнена доктринальными противоречиями. Реформаторы рассматривали Писания преимущественно как богословские источники, а не как литературные работы. Однако они не были совершенно невосприимчивы к литературным качествам текстов. Кальвин, например, часто отмечал точные речевые обороты и яркую образность. Он признавал разницу между повествованиями и повелениями, мудростью и пророчеством. Комментарии Кальвина избыточествуют литературными наблюдениями, несмотря на то, что его основной интерес был сосредоточен на доктрине.

Со времен Просвещения евангельские толкователи начали заниматься историческими корнями. Однако в сегодняшней ветхозаветной герменевтике внимание все больше смещается в сторону буквального анализа. В последнее время значительно возрос интерес к литературному подходу, хотя многие доктринальные и исторические споры остаются нерешенными. Мы не сможем охватить весь масштаб такого развития, но давайте рассмотрим некоторые основные шаги.

Критика источников. К концу девятнадцатого века литературная критика во многом приняла форму критики источников. Толкователи искали письменные источники помимо Писаний. Гипотеза о документальности Пятикнижия была одним из первых шагов в этом направлении. С тех пор толкователи реконструировали гипотетические источники для многих книг Ветхого Завета.

Критика формы. Вторым важным шагом была критика формы, появившаяся в начале 1900-х годов. Ее четкой целью было определение жанра и реконструкция состояния культуры, в которой ветхозаветные истории первоначально использовались. Критики сравнивали Ветхий Завет с литературой других культур древнего Ближнего Востока.

Критика редактирования. Третий этап в буквальном анализе наступил в 1950-х годах под названием критики редактирования. Критики отслеживали развитие и изменение библейских текстов в зависимости от их устных и письменных источников, от древней и до современной формы.

Современные евангелисты скептически относятся к такому диахроническому подходу. Мы должны во многом держаться от него подальше. Прежде всего, его цели совершенно противоположны евангельским убеждениям в богодухновенности и авторитете Писания.

Тем не менее, за последние два десятилетия в литературном анализе ветхозаветных историй произошел большой сдвиг. Толкователи смещают свое внимание от источников и развития текстов Ветхого Завета к их окончательной сегодняшней форме.

Теоретическая критика. Решительный шаг в этом направлении был сделан в конце 60-х, начале 70-х годов. Вместо того чтобы сосредотачиваться на развитии текста, теоретические критики рассматривали книги Библии как завершенные произведения искусства, имеющие все необходимое, чтобы убедить читателя в своей достоверности. Структура, эстетические и риторические образцы этих текстов стали центральными в толковании.

Структурализм. В это же время на изучении Библии отразился структурализм, представляющий ряд философских и лингвистических подходов. Приверженцы структурализма во многом отличались друг от друга, но все они были согласны с тем, что значение текста может быть раскрыто при изучении внутренней связи этого текста с другими материалами Ветхого Завета.

Каноническая критика. В последние годы все эти направления были объединены и развились в теологическую программу, известную как каноническая критика. Представители канонической критики согласны, что большинство библейских текстов развивались во времени, но сосредотачиваются на окончательной канонической форме текста.

Евангелисты чувствуют себя удобнее с такими современными литературными методами и считают, что извлекать пользу можно из риторического, структурного и канонического анализа одновременно.

Литературный анализ — это третий основной способ, которым Дух Святой учит нас понимать ветхозаветные истории. Обращая внимание на соотношение формы и содержания, мы глубже понимаем значение этих текстов.

Заключение

Готовясь к толкованию историй Ветхого Завета, мы должны знать, как Святой Дух влияет на нас через экзегетику Писаний. На протяжении истории выявились три основных метода изучения ветхозаветных историй. Разнообразные формы тематического, исторического и буквального анализа доказали свою значимость для Божьего народа.

Каждая форма анализа соотносится с другими. Тематический анализ легко впадает в крайности без сдерживающего влияния исторического и буквального взглядов. Исторический анализ теряет свою теологическую суть без тематического и буквального методов. Буквальный анализ становится умозрительным без ограничений тематического и исторического подходов. Мы упустим множество благословений, если ограничимся рамками только одного из этих методов. Мы должны воспринимать ветхозаветные истории как зеркало наших интересов и в то же время как окна, сквозь которые мы смотрим на исторические события и литературные образы.

Вопросы

1. Что такое тематический анализ? Почему необходим такой подход к ветхозаветным историям? Назовите несколько основных видов тематического анализа.
2. Что такое исторический анализ? Почему необходим такой подход к ветхозаветным историям? Назовите несколько основных видов исторического анализа.
3. Что такое буквальный анализ? Почему необходим такой подход к ветхозаветным историям? Назовите несколько основных видов буквального анализа.

Упражнения

1. Прочтите историю о призыве Аврама (Быт.12:1–9). Какой материал вы находите для таких теологических категорий: 1) доктрина о Боге, 2) доктрина о человечестве, 3) доктрина о грехе и спасении?
2. Посмотрите на Быт.12:1–9 еще раз. Какие исторические события вам четко видны? В чем это место проясняет ваше представление о том, что Бог делал в тот момент истории искупления человечества?
3. Рассмотрите комментарии сделанные в девятнадцатом, начале двадцатого века, а также современные комментарии к книге Бытие 12:1–9. Сосредотачиваются ли они больше на тематическом, историческом, или буквальном анализе? В чем?